

публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю. Г. Агаджанова. Грозный, 1974.

Северный Кавказ 2007 — Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007.

Ткачев 1912 — Ткачев Г. А. Станица Червленная: Исторический очерк. Владикавказ, 1912.

Толстой 1981 — Толстой Л. Н. Казаки: Хаджи-Мурат / ил. Е. Лансере. М., 1981.

Утевская и др. 2011 — Утевская О. М., Новикова О. Ю., Атраментова Л. А., Дибирова Х. Д., Балановский О. П., Кузнецова М. А., Почешхова Э. А., Чухряева М. И. Генетические портреты четырех групп казачества: анализ гаплогрупп Y-хромосомы // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 552—553.

Холмский 1910 — Сборник казачьих песен / собр. и издал С. А. Холмский. Курск, 1910.

Чирков 2009-3 — Чирков Ю. Е. Ой, орел, ты орел: Традиционные песни казаков Кавказской Линии Дагестана. Аудиоприложение № 3. СПб., 2009.

Чирков 2009-4 — Чирков Ю. Е. Оставляли мы станицу: Традиционные песни казаков Кавказской Линии станицы Старопавловской. Аудиоприложение № 4. СПб., 2009.

Чирков 2009-5 — Чирков Ю. Е. Оседлая я коня: Традиционные песни казаков Кавказской Линии станицы Баклановская. Аудиоприложение № 5. СПб., 2009.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора.

ПМВ — Полевые материалы Н. Н. Велюковой.

РС — Рукописный казачий сборник конца XIX века казаков 4 сотни Лейб-гвардии его императорского величества конвоя Ф. Рогожина, С. Пимычева, Я. Феньева (ст. Червленная).

СОАССР — Североосетинская Автономная Социалистическая республика.

ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Социалистическая республика.

ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет.

Summary. The article deals with ethnic relations between Greben Cossacks and the North Caucasus people in peace and war, their reflections in the 19th century folklore, in images of the Cossacks and the mountaineers.

Key words: Cossacks, interethnic relations, historical background, ethno-cultural relationships, folklore.

ББК 83.3

УДК 82.0

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

«ПОНАЕХАЛИ ТУТ

ВСЯКИЕ...»:

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЯМИ МОСКВЫ КОРЕННЫХ МОСКВИЧЕЙ И ПРИЕЗЖИХ

Аннотация. В работе рассматриваются стереотипы восприятия приезжих москвичами и москвичей приезжими и прослеживается изменение ситуации за последние сто пятьдесят — двести лет.

Ключевые слова: культурная антропология, социальная антропология, стереотипы, оппозиция «свой/чужой».

В традиционной культуре представитель другого, «иног» этноса всегда соотносится с категорией «чужое». Оценка чужих как людей, от которых исходит опасность, возникла на основе архаических представлений о том, что они связаны с иным миром и обладают сверхъестественными свойствами и отличаются от обычных людей внешностью, одеждой, запахом, обрядовым и речевым поведением (подробнее об этом см. [Белова 1999, 414—418]). Для описания этой чужеродности в языке обычно вырабатывается целый ряд стереотипов, которые представляют собой «особые формы хранения знаний и оценок» [Уфимцева 2000, 253], способствуют «распознаванию, узнаванию и, в конечном счете, взаимопониманию» [Байбурун 1995: 1], становятся социально выработанными опорами действий в определенных ситуациях [Шалина 2005, 203—216].

Стереотипы выполняют в культуре самые разные функции. Они служат определенными ориентирами поведения, фиксируют нормы и правила в виде нормативных постулатов и кодексов речевого поведения, эксплицируют систему ценностей культурного сообщества.

Обычно, говоря о стереотипах восприятия друг другом людей различных

национальностей и культур, мы имеем в виду взаимодействие различных народов на пограничных территориях, где контакты разных этнических групп приобретают наибольшую интенсивность.

Однако существует и другая ситуация, при которой возникает взаимодействие людей различных этнических групп. Речь идет о жизни представителей различных этносов в рамках крупного мегаполиса, когда представители коренного населения оказываются вовлеченными в жизнь своих «пришлых» соседей. Казалось бы, именно коренные жители оказываются носителями неких «эталонных» стереотипов поведения. Сравнивая себя с приезжими по целому ряду критериев, москвичи отмечают (в более или менее доброжелательной форме) свою «правильность» и несоответствие этой норме приезжих.

Однако аналогичные действия совершают и «гости столицы», избравшие ее местом своего жительства. У них тоже существует представление о своей норме поведения, и с их точки зрения коренные жители города нарушают представления приезжих о правильном поведении.

Именно конфликт взглядов двух этих групп и стереотипы в оценке друг друга стали предметом исследования в данной статье. Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что данная тема отчасти носит провокационный и социально-политический характер. В данном случае это не филологическое исследование, поскольку мы не ставим своей целью рассмотреть языковые стереотипы как таковые. Скорее, наше внимание сосредоточено на таком психологическом феномене, как этноцентризм. Поскольку Москва является местом, где взаимодействуют представители разных этносов, то проблема этноцентризма для данного города необыкновенно актуальна.

Мы рассмотрим комплекс мотивов, связанных с восприятием «других», которые присущи каждой из двух рассматриваемых групп. Мы не только выявим стереотипы восприятия приезжих москвичами и москвичей приезжими, но и попробуем проследить их изменение за последние сто пятьдесят — двести лет.

Материалом для статьи стали, с одной стороны, мемуары, различные москвоведческие очерки, письма, а с другой — Интернет-форумы про «понаехавшее чмо» и «убогих коренных»¹. Помимо этого будут привлекаться и материалы личного архива автора.

Вопрос о коренных москвичах и приезжем люде настолько актуален для жителей столицы, что стал предметом анекдотов, которые активно функционируют в Интернет-сообществе и массовой печати. Согласно им, «первым понаехавшим в Москву был Юрий Долгорукий» [КП 5/2008], хотя, согласно другой версии, «в Москве два москвича — Юрий Долгорукий и конь его» [КП 5/2008]. Считается так же, что «Москвичи — это те же гости столицы, только приехавшие сюда на 15 минут раньше»².

Проблема взаимодействия москвичей и приезжих существовала всегда. При этом выделялось две группы «приезжих»: русские и инородцы. Из дореволюционных источников видно, что к русским людям, приехавшим в Москву, зачастую относились более пренебрежительно, чем к инородцам. Причина такого отношения простая — русские приезжали в Москву на время, и очень немногие оставались навсегда. Действительно, достаточно ознакомиться с физиологическими очерками или воспоминаниями, содержащими этнографические описания, чтобы понять, что русские приезжали на заработки и служили извозчиками, половыми, строителями и т. п.: «И пошел мужичок, примерно, к нам в Белокаменную, пошел с одной котомкой, да с тою смышленостью и умением приноравливаться всюду, куда ни поверни, — этими двумя способностями, которым

¹ Читать Интернет-материалы в большинстве случаев неприятно, потому что, с нашей точки зрения, настоящие коренные москвичи не будут писать того, что там написано. В то же время, читая, что пишут приезжие, понимаешь, почему коренные москвичи их не любят. Отношение приезжих к Москве заставляет задать вопрос, который очень четко сформулирован участником одного из подобных форумов: «Если Москва такая плохая, как о ней пишут — чего Вы тут все понаехали?».

² URL: <http://otvet.mail.ru>

мы сами в себе не надивимся. Таким гостям всегда есть место в Москве. Владимирец принялся за плотничество, в офени или в кулаки пошел, а то “по ягоду, по клюкву” стал распевать; ярославец сделался каменщиком, разносчиком, сидельцем в гостинном дворе и, наконец, трактирщиком; ростовец поступил на огороды; тверитянин с рязанцем явились как простые черно-рабочие, поденщики (первый нередко и торгует; например, все мороженщи-ки — тверитяне); туляк принес с собой ремесло коновала, а костромич и галичанин — бондарное мастерство или кровельное со стекольным, корчевец начал точать сапоги; подмосковный — искусник на все руки: и в извозе ездить, и с лотком на голове ходить; коломенец, сверх того, печет калачи и на барки нанимается; жомаец с звенигородцем — летом мостовщики, а зимой ледовозы, пильщики, дровоколы. Из широких степных губерний, где человеку только что в пору управиться с благодатною землею, к нам не ходит никто. С недавних пор стали похаживать белорусские крестьяне, да они большей частью работают на чугунке (то есть на железной дороге), так по этому и нейдет им быть в счету московских пришельцев (о фабриках и заводах я тоже не говорю, на них рабочие приходят еще подростками)» [Кокорев 1849, 46].

С инородцами ситуация была принципиально другая. Они приезжали в Москву навсегда. И до революции среди москвичей отношение к ним было терпимое и даже уважительное, что связано не только с финансовой обеспеченностью многих приезжих, но и с их стремлением влиться в среду московских жителей.

Безусловно, отношение москвичей к русским приезжим отличается от их отношения к приезжим инородцам, как и отношение приезжих разной этнической принадлежности — к коренным москвичам. Мы сталкиваемся с количественными различиями между коренными москвичами и приезжими русскими, с одной стороны, и приезжими инородцами — с другой. В то же время различие в восприятии является

более глубоким и носит качественный характер. В этом случае коренные москвичи становятся жертвами приезжих в целом, и этническая принадлежность последних не играет никакой роли. Таким образом, мы имеем две разных ипостаси одного феномена «неприятия чужих», но формат статьи не позволяет проанализировать различия между этими двумя подходами, поэтому мы будем рассматривать оппозицию «коренной/приезжий», исходя не из этнической принадлежности приезжих, а из самого факта их появления в Москве и включения в группу «понаехавших».

* * *

На протяжении нескольких веков в Москве было два типа расселения инородцев: компактное и дисперсное.

Мусульмане, прежде всего татары, жили в Замоскворечье, в районе Татарских улиц рядом с мечетью³. До революции многие московские татары были уважаемыми и привилегированными людьми. В татарской общине тех лет было много зажиточных купцов первой и второй гильдии, они торговали в Москве шелком, шерстью, хлопком, открывали постоялые дворы, гостиницы, рестораны, держали буфеты на железнодорожных станциях. Они могли позволить себе не только учить детей в России, но и отправлять их за границу.

Армяне селятся рядом с армянским кладбищем, церковью Святого Воскресения в Ваганьково и церковью Успения Пресвятой Богородицы на Пресне, в знаменитом Армянском переулке рядом с Крестовоздвиженской церковью.

Первое упоминание об армянах в Москве относится к XIV в. В XVI в. уже многие армянские торговцы и ремесленники имели в Москве собственные дома и являлись поставщиками

³ Несколько позднее здесь начали селиться и представители азербайджанской диаспоры, прежде всего купцы. В этом районе находились представительства фирм, основанных азербайджанцами, которые занимались торговлей керосином («Тагиев и сыновья») и мазутом (Торговый дом Асадуллаева).

товаров к царскому двору. Массовое переселение армян в Москву началось при царе Алексее Михайловиче, который пригласил в город на постоянное место жительства многих золотых и серебряных дел мастеров из Армении. Петр Алексеевич вел политику поощрения деятельности армян и способствовал их переселению в Россию из Турции и Персии. В своем указе от 2 марта 1711 г. он повелевает: «Армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [ПСЗ, 643]. В указе от 1723 г. он напоминает: «Мы не только их купечество защищать повелели, но и еще для вящей прибыли и пользы некоторыми особливими привилегиями снабдевать и всемилостивейше жаловать будем...» [Амирхонян 1992, 18]. А в его обращении к генерал-майору Кропотову сказано: «Учини им редкое вспоможение... понеже мы оный армянский народ в особливу нашу императорскую милость и протекцию приняли...» [Материалы 1869, 68]. В результате такой политики благоприятствования в России оказалось свыше полумиллиона армян, многие из которых поселились в Москве.

Во второй половине XIX в. многие армянские купцы имели магазины и торговые конторы в Черкасском переулке и на нескольких других улицах Зарядья [Агаян 1995].

Армяне внесли большой вклад в развитие науки и искусства в Москве. Семья Лазаревых на свои деньги построила и содержала знаменитый Армянский Лазаревский институт восточных языков⁴ [Крымский 1896, 247—248]. Организатором театра-кабаре «Летучая мышь» был Н. Ф. Балиев (Мкртич Асвадурович Балян), студенческую драматическую студию, которая в советское время стала известным театром, создал Е. Б. Вахтангов.

Грузинская диаспора сформировалась в Москве в начале XVIII в., когда, спасаясь от турецких и персидских захватчиков, грузинский царь Вахтанг Леванович нашел убежище на территории

⁴ Ансамбль зданий в Армянском переулке (д. 2, д. 3, д. 4), в настоящее время в главном здании находится Посольство Армении.

бывшего села Воскресенское⁵. В 1725 г. он прибыл туда с сыновьями Бакаром и Георгием, большой свитой князей, дворян и простых людей. На постройку домов беженцам Петр I пожаловал грузинскому царю, кроме строительных материалов, большую в то время сумму — 10 тысяч рублей. Постепенно на этой территории сложилась Грузинская слобода⁶. Некоторое самоуправление и особые льготы по государственной повинности, предоставленные колонистам, позволили им развернуть значительную культурную деятельность. В Грузинской слободе они переводили русскую научную и художественную литературу на грузинский язык и печатали в грузинской типографии в подмосковном селе Всехсвятском грузинские книги. Грузинская слобода имела свой уклад жизни, свои порядки и немалые привилегии от русских властей. Селились грузины вокруг церкви Великомученика Георгия, которая была построена царевичем Георгием, сыном Вахтанга VI. Богослужение в церкви велось на грузинском языке.

Представители армянской, татарской и грузинской диаспор были людьми уважаемыми, многие были зажиточными и, сохраняя верность национальным традициям, внесли значительный вклад в развитие города.

Но даже если это были обычные дворники, то основной лейтмотив всех воспоминаний о них сводится к следующему: «Наши татары так себя никогда не вели. Они уважали свои традиции, но никому их не навязывали. Мы и не видали этого. Так же как мы старались жить»⁷.

Европейцы-католики селились по всему городу, и места их проживания не были связаны с католическими приходами (Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии⁸ и Храм Святого Людовика Французского⁹). Предста-

⁵ Грузины селились на этой территории и раньше (впервые местность Грузины упоминается в документах 1714 г.)

⁶ Современные Большая и Малая Грузинские улицы, Грузинский переулок.

⁷ URL: http://www.tatar-hist.ru/direktor_metli.htm

⁸ Малая Грузинская улица, д. 27/13.

⁹ Малая Лубянка, д. 12 А.

вители англиканской церкви, которых в Москве было относительно немного, также не селились рядом со своим приходом — англиканским собором святого Андрея¹⁰.

Протестанты (в основном немцы, шведы, датчане) первоначально жили в Немецкой слободе. На Кукуе была кирха, потом иностранцы-протестанты стали селиться на Покровке, а затем у Красных ворот [Князьков 1990; Осетров 1987]. Постепенно они стали жить по всему городу и были приписаны либо к Михайловской кирхе (Michael-Kirche)¹¹ либо к кирхе Петра и Павла¹² [Бобылёв 1995, 49—52].

Протестанты в Москве находились под определенным покровительством государственной власти. Так, в 1670 г. Алексей Михайлович дарит протестантской общине земельный участок под церковь¹³, в 1694 г. Петр I участвует в закладке, а в 1695 г. в освещении новой каменной церкви, в 1817 г. император Александр I предоставляет протестантской общине ссуду в размере 40000 рублей, из которых общине нужно было погасить только 33000 рублей, для строительства церкви в Старосадском переулке. Благоклонность властей влияла и на то, что немцев (и людей с фамилиями, похожими по звучанию на немецкие) хоть и не признавали своими, но, безусловно, считали настоящими москвичами. Хотя, несмотря на это, именно с немцами связана трагическая история взаимоотношений москвичей и инородцев.

Немецкая община была одной из самых многочисленных в Москве. Немало немецких уроженцев открывали торговые или промышленные заведения. Это макаронная фабрика И. А. Динга, Общество механических заводов братьев Бромлей, Товарищество механического, котельного и медноли-

¹⁰ Вознесенский переулок, д. 8.

¹¹ Церковь Святого Михаила (Михаэлькирхе, «старая церковь» (кирха) или «купеческая церковь»; в народе «Старая обедня»), снесена в 1928 г. Находилась в районе улицы Радио и Новокирочного переуллка [Лиценбергер 1999, 29].

¹² Старосадский переулок, 7/10.

¹³ В это время иностранцам было запрещено покупать землю в Москве.

тейного завода «Дангауэр А. К. и Кайзер В. А.», бумагопрядильная и красильная фабрика Товарищества «Франц Рабенек», Московское ответственное агентство «Общества моторов Даймлер» и др. Лучшие российские ситцы делало «Товарищество ситценабивной мануфактуры “Эмиль Циндель”», одни из лучших конфет — «Товарищество паровой фабрики шоколада, конфекты и чайных печеней “Эйнем”».

Немцы немало денег вкладывали в благотворительность. Так, о Теодоре Фердинанде фон Эйнеме есть свидетельства, что «с каждого проданного фунта нового печеня Эйнем жертвовал пять копеек серебром, из которых половина суммы поступала в пользу благотворительных заведений Москвы, а другая половина — в пользу Немецкой школы для бедных и сирот» [Немцы 2004, 165].

Вообще, в Москве немцы составляли 20—25% купеческого сословия. При этом, если взять тридцать наиболее преуспевающих купцов, то, как пишут исследователи, «“немецкая” доля будет еще больше» [Там же, 168].

К началу XX в. немецкая колония в Москве насчитывала более семи с половиной тысяч человек. В их число входили этнические немцы, являвшиеся как подданными Российской империи, так и других государств. Им принадлежало заметное место в структуре городской экономики, прежде всего в торговле и промышленности. Среди московских немцев были владельцы крупных состояний, собственники банков, акционерных обществ, заводов, фабрик, магазинов, недвижимости.

С началом Первой мировой войны российско-германское противостояние стало тем глобальным негативным фоном, на котором разворачивались внутриполитические процессы в империи. Патриотический пыл постепенно заменялся националистическим экстремизмом. В Москве антинемецкие настроения продержалось особенно долго. 10 октября 1914 г. впервые вспыхнули выступления против немцев и австрийцев, результатом чего стало разграбление нескольких продовольственных лавок и магазинов, принадлежавших немцам,

в том числе популярных среди горожан двух кондитерских магазинов Эйнема в Верхних торговых рядах и у Ильинских ворот. Происходило нагнетание германофобской истерии: научные общества исключали из своего состава ученых немецкого происхождения; началась компания бойкотирования немецких лавок, к борьбе со «зловредными немцами» призывало Московское купеческое общество, увольнение немецких служащих требовали московские рабочие. В сознание обывателя постепенно проникала мысль о скрытой немецкой угрозе, исходящей от немца-соседа. Майское поражение российской армии в 1915 г. переполнило чашу всеобщего терпения. Массовое недовольство действиями военного командования выплеснулось на «внутренних» немцев. И 26 мая в Москве вспыхнули беспорядки, когда за два часа были разграблены магазины Эйнема, А. Б. Мейера, Роберта Пфедфера, А. Я. Фохта, Н. Зотова и Ко, общества К. Эрланса и Ко, конторы Я. Зоргагена, Карла Линденберга и Павла Вортмана, Г. Гросмана, помещения правления товарищества Э. Лиггардта, контора завода Тильманс. Среди пострадавших оказались и русские, и французы, и даже внештатный консул колумбийского правительства П. П. Вортман. Свидетели описывали это побоище так: «По обеим сторонам улицы из многих магазинов летели вещи, грохотал треск, звенело стекло, лязгало железо. Впечатление увеличивалось до демонических размеров тем, что на всех улицах, пересекающих Кузнецкий, бушевала такая же буря разрушения» [Харламов, Л. 64]. Необходимо отметить, что на защиту своих соседей-немцев вставали русские москвичи. Особенно этим прославились жители самого «немецкого» района Москвы — Лефортово. Так, Август Генрихович Шитц был избит на улице, и ему на помощь бросился его сосед Кузнецов и увез его в полицейский участок, где Шитцу предоставили убежище, но заявил ему: «...хоть ты и колонист, все равно ты немец, как волка ни корми, он все в лес смотрит» [ЦИАМ Ф. 142. Оп. 20. Д. 636. Л. 40—40об.]. Одними из зачинщиков погромов стали рабо-

чие Прохоровской мануфактуры. Пока они устраивали шествия с патриотическими лозунгами, хозяин фабрики Н. И. Прохоров не предпринимал никаких действий, но как только его рабочие отправились на Дербеневку, к мануфактуре Эмиля Цинделя (главного конкурента Прохорова), он обратился к градоначальнику А. А. Адрианову с просьбой остановить толпу силами полиции (подробнее об этом см. [Хин-Гольдовская 1997, 375—379]).

После прекращения погромов москвичи жалели о случившемся: «Погром был полной неожиданностью. Наши рабочие с Дингом жили хорошо и теперь высказывают сожаление» [Харламов, Л. 56]. Правда многие москвичи, осуждая погромы, преследовали свои интересы: «многие из рабочих промеж себя говорили о том, что нехорошо громить магазины, так как после погромов все вздорожает и нам же придется за все переплачивать» [Харламов, Л. 64]. Необходимо отметить, что за всю историю совместного проживания на территории Москвы людей разных национальностей это был единственный националистический погром.

В большинстве случаев жизнь инородцев-христиан в Москве вообще не рассматривалась как нечто особенное, отличное от русской жизни, потому что это были представители высших и средних классов — культурные традиции здесь были более или менее сходными. Конечно, в мемуарах очень часто упоминают различные особенности речи европейцев, которые говорили порусски с акцентом, но уже второе или третье поколение грузин или датчан, немцев или армян вряд ли кто-нибудь осмелился бы назвать чужаками.

После войны 1812 г. в Москве начинают селиться цыгане. В основном это исполнители песен и их родственники. Они расселились относительно компактной группой на Козихином болоте и в Грузинах, на Медынке¹⁴ и на Живодёрке¹⁵. Постепенно возникшие богатые рестораны «Яр», «Стрельна», «Мавритания», «Эльдорадо» обязательно приглашали для вечерних и ноч-

¹⁴ Ныне Зоологическая ул.

¹⁵ Ныне ул. Красина.

ных выступлений цыганские хоры. Поскольку эти рестораны располагались в Петровском парке и его окрестностях, то туда переселяется большинство московских цыган, и их поселения возникают в Зыковском¹⁶ и в 4-м Эльдорадовском переулке. Это место довольно долго называлось «Цыганский Уголок». Во второй половине XIX в. в Москве появляются цыгане, которых называют лошадинми барышниками. Их было очень немного и все они обитали в районе конного рынка на Таганке, Нижегородской и Калитниковской улиц. В конце 1920-х гг. возникли цыганские бараки недалеко от станции Яуза Ярославского направления¹⁷, у Рогожской заставы, цыганские дома в Останкино, на Извилистой улице [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011].

Прибывшие в начале 30-х гг. XX в. в Москву крымские цыгане построили барак у стен Новодевичьего монастыря [Ром-Лебедев 1990].

Говорить о еврейской диаспоре можно только со времен Александра II, когда в Москве было разрешено селиться купцам I гильдии, людям с высшим образованием и людям полезных профессий. На самом деле всеми правдами и неправдами еще с 30-х гг. XIX в. евреи стали селиться на Глебовском подворье в Зарядье, которое негласно называлось «еврейским гетто». Синагога была построена в Спасоголенишевском переулке, потому что до нее можно было дойти пешком. Но потом евреи селились там, где им это удавалось, например, в районе Б. Бронной, поскольку там после гонений обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева остался единственный молельный дом, частная молельня купца первой гильдии Лазаря Полякова. Если еврейский быт Одессы вошел в анналы русской литературы, то еврейская Москва до революции не была такой колоритной, и мы можем говорить если не об ассимиляции московского еврейства, то о стремлении слиться с московским населением, в то же время сохраняя

свои этнические традиции. В конце XIX в. 19% московских купцов первой гильдии составляли евреи, сыгравшие заметную роль в развитии банковского дела, промышленности, торговли. К. Высоцкий основал чайную фирму, братья Л. и С. Поляковы — Московский земельный банк.

В 1880-е гг. евреи, не имевшие права жительства в Москве, стали селиться в московских пригородах (в Марьиной Роще, Черкизове, Всехсвятском), где было легче избежать полицейского контроля [Сиопов, Клемперт 2003].

Самыми последними, уже в революционной Москве 1918 г., появились ассирийцы-айсоры. Они селились компактно. Первым переселенцем городские власти разрешили жить в Охотном ряду. Позже ассирийские кланы стали осваивать Большой Сухаревский переулок, Интернациональную, Новокузнецкую, Пятницкую, Большую Якиманку, Самотечный переулок, Арбат, Плющиху, Маросейку, Средний Трехгорный проезд.

Все диаспоры, сохраняя свои этнические особенности, подчинялись законам Российской империи, но в домах соблюдались порядки и традиции территории исконного проживания. В мемуарной литературе довольно много говорится об уважении к обычаям и традициям своих соседей, упоминаются приходы соседей с поздравлениями на праздники, подарки ребенку от татарского дворника или азербайджанца — продавца колониальных товаров в честь православного праздника и т. д. Вместе с тем основной мотив дореволюционных воспоминаний сводится к тому, что жизнь «чужих» была скрыта от глаз москвичей. Замечались и запоминались только яркие впечатления — например, поведение цыган или айсоров.

После революции ситуация изменилась. Москву наводнили «чужие», но этими чужими были не столько иногородцы, сколько русские провинциалы. И в мемуарах появляется очень устойчивый мотив — приезжие, независимо от национальности, ведут себя не так, как коренные москвичи. С одной стороны, их неправильное поведение может проявляться в том, что они — экзо-

¹⁶ Ныне Красноармейская ул.

¹⁷ Знаменитая в среде старых москвичей «Шестая верста», по-цыгански «Шовто верста».

тичные персонажи. Шкловский писал об ассирийцах, наводнивших Москву: «...Вы помните маленьких черных людей, которые сидят в России на углах? Они же водят обезьян по дворам. Древни они, как булыжники мостовой: это айсоры — горные ассирийцы» [Шкловский 2008, 239]. Ассирийцы, попавшие в Москву, в массе своей были неграмотные и не владели никакими городскими профессиями, и поэтому первое время ходили по дворам с уличными представлениями. В 1920-е гг. для них была создана артель «Московский чистильщик» и до 80-х гг. мелкий ремонт обуви, варка гуталина и чистка обуви была в руках этой диаспоры. Сами айсоры осознавали себя людьми страдающими и противопоставленными всем остальным жителям столицы: «Боже мой! — в отчаянии восклицала моя матушка. — Цыгане — эти пройдохи, жулики, конокрады — имеют свое имя. Их знают не только по уличным гадалкам. У них свой театр, ансамбль, они изучают свой язык. А мы?... Забытые Богом и людьми. Боже! За что такое наказание?» [Шлимонов 2006, 134].

Совершенно по-другому воспринимали себя московские татары, которые обычно служили в Москве дворниками и старьевщиками: «Татары нанимались дворниками в центре города, где в ранние утренние часы надо было очищать улицы от грязи, а зимой от снега. Здесь они получали убогое жилье в подвальных «этажах». Татары работали усердно, надев фартуки с большой эмалевой бляхой, на которой обозначался служебный номер. Старые москвичи еще помнят, как по дворам ходили с мешком старьевщики, призывая сдавать старые вещи, громко провозглашая: “Старье берем”»¹⁸.

Их отвратительное знание русского языка стало штампом: во всех фильмах, книгах, мемуарах татарский дворник необыкновенно коверкает русские слова. Достаточно вспомнить Азиза из фильма «Покровские ворота» или Мефтахудына из книги «Республика ШКИД» и т. д. Хотя сами о себе они говорят следующее: «Помните старую шутку о том, что есть только две пре-

стижные должности: директор магазина и директор метлы? Так вот, про директора метлы — это как раз о нас, о татарах» [Там же]. В 1920—60-х гг. в Москве дворник — это традиционно татарская должность.

С другой стороны, чужие выделялись другим поведением, особенностями речи и т. д. Так, например, в мемуарах часто пишут о том, что соседи-евреи разговаривали между собой на идиш, хотя в то же время в еврейских мемуарах отмечается: «Разговорным языком повсюду оставался идиш — при том что в центре города еврейский язык многочисленными нашими соплеменниками считался “дурным тоном”» [Громан 1997] или «И идишу нас не научили, о чем я очень жалею. Они считали, что идиш — это местечковость, а местечковость надо преодолевать, раз они приехали в метрополию, и тут надо быть “как все”, хотя между собой, конечно, говорили» [Мочалова 2012]. Иногда родной язык родители использовали в тех случаях, когда не хотели, чтобы дети поняли их разговор. Во многих воспоминаниях говорится о том, что родственники ругались на родном языке, хотя в доме говорили по-русски: «Надо сказать, что в доме у нас никто не говорил по-цыгански. Только тогда, когда мать с отцом ссорились или обсуждали какие-то дела, из спальни доносились цыганские слова» [Ром-Лебедев 1990, 15]. «Очень смешно бывает. Скажешь на идиш “Дэр малэхамовэс зол зих ин дир фарлибм”¹⁹ или “А зисн тойт золсту хобм: а трок мит цукер зол дих ибэрфорн”²⁰, понимают, спрашивают “Александр Михайлович, зачем Вы на нас ругаетесь?”. А скажешь “Фриш, гезунт ин мэшуге”²¹ или “Аз а мэшин кумт арайн ин ниц, херт эр нит дем дунер, зет эр нит дем блиц”²², спрашивают: “Что это?”. Значит, дома уже на идиш не говорят, только ругаются, чтоб вроде как дети не поняли» (Зап от К. А. И., 1915 г. р., муж., москвич в первом поколении. 1989 г.) [ЛАА].

¹⁹ Чтоб в тебя влюбился ангел смерти.

²⁰ Сладкой смерти тебе желаю: чтоб грузик с сахаром тебя переехал.

²¹ Свеж, здоров и сошел с ума.

²² Когда человек горячится, он не слышит грома и не видит молнии.

¹⁸ URL: http://www.tatar-hist.ru/direktor_metli.htm:

Жители Москвы знали о том, что их соседи принадлежат к той или иной национальности, но в большинстве мемуаров говорится о том, что, хотя и существовала бытовая ксенофобия, активного неприятия «чужих» в городе не было и публичные высказывания подобного рода осуждались: «Мы, конечно, могли назвать нашего Лешу жидом, но это мы могли, а другие за это в морду получали. Мы знали в то время, что все люди братья»²³.

Безусловно, приехавшие в Москву инородцы, стараясь быть «как все», сохраняли традиции своей малой родины: «Поскольку они переехали не по одному, а все вместе, то не особенно ассимилировались, а общались в основном друг с другом и сохранили все свои обычаи, в том числе кухню: бабушка пекла лейках, тефлдах, мама делала цимес, но я особенно любила рыбу фиш. Сохранилась еще и манера отношений, интриги: “а он сказал про нее так-то”, “ты только не вздумай, чтобы они не узнали”, “а как ты считаешь, что она имела в виду, когда сказала...”» [Мочалова 2012].

В то же время происходило освоение русскими москвичами традиций других народов, преимущественно на бытовом уровне. Особенно это видно на примере народной кулинарии, обрядовая еда инородцев входила в московский быт весьма активно, правда, зачастую эти блюда теряли свои национальные названия: так, гоменташи стали «еврейским» печеньем, конская колбаса — «татарской» колбасой, лаваш — «армянским» хлебом, хала — плетенкой. Грузинская кухня, прежде всего, шашлык, прочно вошла в обиход народных гуляний. В воспоминаниях 1920-х—60-х гг. описываются детские игры, которые довольно часто являются обрядовыми действиями. Так, например, часто говорят о том, что взрослые играли с детьми в поиск хлеба — когда надо было найти 12 кусочков хлеба, крутили волчки, делали трешотки. На самом деле это обрядовые игры еврейских праздников — перед Пейсахом ищут хамец, волчок — это ханукальный дрейдл, а трешотка —

атрибут Пурима. Есть воспоминания о том, что тянули спички на глупого и умного — это армянский обычай праздника Аваг Шабат — Страстной недели [Добровольская 2005, 144—157].

Более того, москвичи активно использовали знания друг друга, и опознавательным знаком профессионализма часто становилась именно национальность: лучший гуталин варили айсоры, хороший стоматолог был евреем, а немецкий язык дети из интеллигентных московских семей учили на бульварах у этнических немцев [Беленкина, 182]. Попасть учить язык к этническому немцу было пределом мечтаний многих.

Таким образом, люди разных национальностей на территории Москвы более или менее удачно становились единой общностью — «своими, московскими». Эту общность трудно было бы назвать москвичами, поскольку ощущение некоей именно московской идентификации — в более существенном смысле, чем признание очевидного факта проживания в Москве — у большинства из них отсутствовало. Москва воспринималась как особое место проживания. Но в то же время ощущение «свойства», державшееся на соседских контактах и общекультурном «койнэ», определявшимся одной и той же русскоязычной советской школой, русскоязычной культурой, в поле которой жили все, оказывалось (по крайней мере, в глазах русских и обрусевших инородцев) порождено особой идентификацией, не привязанную ни к определенной территории, ни к определенному этносу.

Большинство нерусских москвичей говорят о своей жизни в Москве в советскую эпоху так: «Долгие годы я был гражданином СССР, выходцем из Еревана с “вожделенной” тогда для всего Союза московской пропиской» [Долбакян 1998, 152].

* * *

В настоящее время ситуация изменилась. Никакой ассимиляции приезжих, интеграции их в среду москвичей не происходит. Основная претензия коренных жителей к приехавшим за-

ключается в том, что мигранты не подстраиваются под москвичей, а ведут свой образ жизни: «как у себя в деревне», «как у себя в ауле», «как будто не в Москве, а в горах», «они в Москве сохраняют обычаи своего кишлака». От приехавших инородцев москвичи ощущают угрозу как их благополучию, так и жизни. В головах россиян сложился образ мигранта как «человека в оранжевой жилетке», «человека с кучей сумок», «человека, покупающего батон», «человека без мозгов», «человека, имеющего дурной запах», «человека, вызывающего страх»²⁴.

В наши дни из-за обилия приезжих москвич воспринимает свой город как «огромное количество барахолок, обилие дорогих иномарок на улицах и смуглых лиц в толпе (причем не только в спальных районах города)»²⁵. Пугает москвичей то, что «из “гостей столицы” постепенно, но настойчиво, с присущей им наглостью и хамством, превращаются они в хозяев приютившего их города»²⁶. Приезжий всегда враг.

Отчасти москвичи шутят над своими страхами, что отражается в анекдотах: «Среди жителей российской столицы был проведен опрос — “Как москвичи относятся к приезжим”. Сорок процентов респондентов ответили: “Канэчна, тускай приеджают в наша столица, да”. Еще столько же сказали: “Слухай, да нам шо, яка разниця”. А 20% заявили: “I don't know!”»²⁷.

Население Москвы в настоящее время делится в большинстве своем на две группы. Одни считают: «Москвичи пусть живут в Москве, а остальные где родились. Зачем всем в Москву? Россия велика, много других городов. Мне кажется, если каждый будет жить в родном городе, мы все жить будем лучше. По крайней мере, хотелось бы на это надеяться...»²⁸. Другие полагают, что «К вам в Москву валили, валим и будем валить. Москва слишком зажралась, пора потомствен-

ных москвичей переселять в деревню для прополки грядок»²⁹.

При анализе обсуждений темы взаимодействия коренных москвичей с приезжими можно выделить несколько групп претензий.

Приезжие плохо знают русский язык: «Провинциалки-учителя примчались в наши московские школы. Это — спасайся кто может!!! Нельзя с восточным акцентом преподавать в столице! Какую лексику слышат наши дети? “Мальчик, не бежи”, “дорогие мать-ря”, “слушай сюда”, “ложить сюда”, “еду на лифту” и так далее»³⁰. Коренных москвичей отличает особый строй речи: «Коренной москвич (не путать с жителями Москвы — это другой вид) скажет “на Москва-реке”, а не по правилу русского языка — «на Москве-реке» [КП 5/2008, Елена Константиновна]. Нового москвича можно узнать по нетипичным для коренного горожанина оборотам: «не резал слух местный диалект новоявленных москвичей типа =ПОКЛАЛИ, МАЛАЯ, ШИФОНЕР, ЗАМКНУЛИ...»³¹.

Москвичи считают, что приезжие хотя и закрепятся в Москве любыми способами, они ничем не брезгуют и крайне нечистоплотны в средствах достижения желанной цели: «Работать с иногородними просто невозможно. Все проблемы у них решаются через постель, взятки, шантаж. Их мораль одна: утвердиться в Москве и хапать, хапать, а потом перевезти свою родню в Москву»³². Приезжие нарушают понятия о порядочности: «мы (москвичи) не ходим по головам других, не расталкиваем локтями, не вытискиваем, не откусываем и не отщипываем чужого — всё это нам чуждо!»³³. Неодобрение москвичей вызывает то, что «гости столицы понимают, чего хотят в жизни, обладают недюжинным здоровьем, ставят себе цель и идут к ней, сметая всё на своем пути»³⁴.

²⁴ URL: <http://www.skyscrapercity.com/forumdisplay.php?f=345>; <http://www.dmitrov.su>

²⁵ URL: <http://www.hghltd.yandex.net>

²⁶ URL: <http://www.skyscrapercity.com/forumdisplay.php?f=345>

²⁷ URL: <http://www.president.org.ua>

²⁸ URL: <http://www.lovehate.ru/opinions/30357>

²⁹ [Там же]

³⁰ URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/884723>

³¹ URL: <http://www.gotomoscow.ru>

³² URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/884723>

³³ URL: <http://www.gotomoscow.ru>

³⁴ URL: <http://www.politonline.ru>

Приезжие не любят Москву: «Самое главное, что они ненавидят и Москву, и москвичей лютой ненавистью. Их лозунг: “Вы, москвичи, все вымерли, теперь мы тут будем жить”. Бедная моя Москва»³⁵. Москвичи считают, что приезжие оскорбляют город: «А вы слышали как они город наш не навидят? Клоповником, помойкой называют Масквой, Масквобадом»³⁶. Приезжие до сих пор считают, что они в Москве в гостях: «Люди, которые здесь живут годами, детей здесь родили, говорят: “Вот у нас дома люди, а у вас в Москве — так себе”»³⁷. Приезжие в ответ на подобные обвинения вопрошают москвичей: «Коренные москвичи Вы хотя бы соседей по лестничной площадке в лицо знаете? Здороваются? Упавшему человеку встать помогаете? От быдла защищаете? или срочно на мобилу и на ютуб с криками “быдло охуело”?»³⁸ [ProvodniK34, Яплакаль].

Коренные москвичи считают, что город непомерно разросся в угоду приезжим.

Одно из главных обвинений приезжим — это незнание и несоблюдение новыми жителями Москвы традиций города. То, что еще на памяти поколения сорокалетних москвичей считалось абсолютно недопустимым действием, свидетельствующим не только о низком уровне культуры, но и о том, что совершивший его человек не москвич, в настоящее время является повседневной практикой. К кощунственным действиям относятся: «бросить на землю окурки или лугать семечки, сидя на лавочке и сплевывая под ноги», «они мороженое в метро едят», «они в тапочках по улице ходят», «сидят на корточках и лапочут по-своему громко, гортанно»³⁹.

³⁵ URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/884723>

³⁶ URL: <http://www.naume.ru/archives/209>

³⁷ URL: <http://www.skyscrapercity.com/forumdisplay.php?f=345>

³⁸ URL: http://www.yaplakal.com/forum7/st/100/topic_402292.html

³⁹ URL: <http://www.naume.ru/archives/209>; <http://www.skyscrapercity.com/forumdisplay.php?f=345>; см. также: [Культура и общество]

Москвичи убеждены, что все проблемы Москвы — из-за приезжих. Более того, именно приезжие, с точки зрения коренных москвичей, ухудшают криминогенную обстановку в городе: «Москва, в общем, еще недавно совсем спокойный город был, можно было и вечером ходить, где хочешь, а уж ночью — так вообще вопросов не было. А сейчас и днем страшно на улицу выйти. Это потому что в Москве не москвичи, а одни приезжие. Они сюда весь криминал привезли. Коренные москвичи так себя не ведут» (Зап. от М. А. П., 1954 г. р., муж., москвич в седьмом поколении. 2007 г.) [ЛАА].

Коренные жители уверены, что гости не уважают хозяев. Москвичи чувствуют себя некомфортно в собственном городе: «Сейчас главная проблема, что москвич себя в своем доме, как бы это полегче сказать... не очень уютно чувствует. Кстати по поводу пресловутой фразы “понаехали тут”, это нормальная естественная реакция, а не московский шовинизм! Представим на минуту, к вам в город приезжает за более чем короткий срок более 10 млн. человек и начинают вам свои правила и привычки навязывать, мало того еще рассказывать, какие же вы ... и так далее...»⁴⁰.

Москвичей пугает, что приезжие навязывают жителям города свой стиль жизни. Более того, они позволяют себе учить москвичей правилам поведения в их родном городе: «Я — москвичка, и я не люблю приезжих не просто так и не потому, что мы, москвичи, такие злые, а потому, что приезжие, в большинстве своем, не умеют себя вести!!! Так нет, чтобы у нас поучиться, так они еще НАВЯЗЫВАЮТ НАМ СВОИ ПРАВИЛА! Меня с детства учили как правильно вести себя в метро, а сегодня какой-то азиат (ему только полосатого халата не хватало) наорал на меня на эскалаторе и учил меня, где можно стоять, а где нельзя!!!»⁴¹.

Наконец, москвичей волнует вопрос о судьбе своих детей. Особенно это беспокоит мам девочек, которые волнуются о том, «за кого сейчас дочерей-то отдавать, понаехало всяких, а тебе

⁴⁰ URL: <http://www.gotomoscow.ru>

⁴¹ URL: <http://www.naume.ru/archives/209>

потом узкоглазенького внука качать. Это только в “Цирке”: рожайте “хоть беленьких, хоть черненьких”, а в жизни от своих рожать надо, на своих кругах. А на своих кругах холостяк на вес золота» (Зап. от Е. М. А., 1957 г. р., жен., москвичка в пятом поколении. 2009 г.) [ЛАА]. Мам мальчиков волнует другой аспект данной проблемы: «Раньше пусть кого хочет в дом приводит, только б не хохлушку, а сейчас уж и хохлушке, и лимите всякой рад, только бы чтоб не из этих вновь понаехавших. Эти вроде как свои, всё ж внуки-то свои будут, а тут еще неизвестно от кого она родит, от твоего сына или от своего какого мужика» (Зап. от В. П. Е. 1959 г. р., жен., москвичка в седьмом поколении. 2009 г.) [ЛАА].

С одной стороны, плохо, что москвичи рожают мало, а приезжие много: «Лет 10 назад я разговаривала с человеком неславянской внешности — приезжим и оставшимся здесь. Я ему говорила, что Россию не победить, что лучше на нашу страну не “наезжать”. На что он меня спросил — сколько у тебя детей? Я ответила — одна дочь. Он сказал что у него 5 детей, и это ещё не всё. И у всех его земляков от 3 до 6 детей. И все эти дети родились в России и, в основном, в Москве. А ещё он сказал — Мы не будем с вами воевать, мы вас заселим своим потомством. А у нашего потомства будет ещё больше детей»⁴². С другой стороны, москвичей волнует то, что если детей и рожают, то не от русских: «о какой рождаемости вы говорите, если русские рожают от чукчей приезжих в Россию на заработки»⁴³.

Приезжих раздражают в москвичах, прежде всего, пресловутый московский «снобизм»⁴⁴. Вторым раздражителем является «усидчивость» коренных москвичей: «Я в Москве уже 5 лет! Во многих москвичах меня поражает их “усидчивость” — они добились какого-то места в компании, неплохо получают, не нужно сильно напрягаться! И всё! И дальше мечта — поменять это место на такое же только в другой компании

(где платят больше)! Мне это сложно понять, ведь у людей нет сложностей с квартирой, с деньгами (родители на первый период помогут) — почему нельзя все бросить и заняться чем-то полезным для себя?! Я бы давно сменила свою работу, если бы не приходилось себя самой обеспечивать и если бы “без опыта работы” платили бы современным расценкам на жизнь!»⁴⁵.

Приехавшие замечают, что сейчас «Москва это не Россия, обособленное государство: другая экономика, другие люди, другая мораль, другие ценности, даже язык немного другой»⁴⁶. Приезжие считают, что москвичи очень закомплексованные люди, и это связано с их страхом пострадать от иногородних. Те смогли обеспечить себя сами, хотя москвичи подозревают их в криминальных доходах.

* * *

Проблема взаимодействия москвичей и приезжих сводится в основном к взаимным упрекам; нежеланию приезжих осваивать традиции крупного города и нежеланию москвичей мириться с порядками, которые им навязывают приезжие. Пытаясь дать характеристику друг другу, люди прибегают к определенным стереотипам как для характеристики других, так и для характеристики себя. Москвичи в глазах приезжих — снобы, лентяи, не к чему не стремящиеся люди, боящиеся потерять деньги и квартиру, вступив в какие-либо отношения с приезжими. Приезжие, с точки зрения москвичей, наглые, хамоватые и на всё идущие ради достижения своей цели люди, навязывающие окружающим свои правила поведения и не считающиеся с традициями старого города. Обычно обсуждение темы «коренной — некоренной» заканчивается в зависимости от того, за кем остается последнее слово — либо фразой «Понаехали тут — валите отсюда»⁴⁷, либо «Это не мы понаехали — это вы понаоставались!»⁴⁸. Безусловно, проблема значительно

⁴² URL: <http://www.naume.ru/archives/209>

⁴³ [Там же]

⁴⁴ В котором коренные москвичи обычно обвиняли петербуржцев.

⁴⁵ URL: <http://www.gotomoscow.ru>

⁴⁶ URL: <http://www.FORUM.KurskNet.ru>

⁴⁷ URL: <http://www.gotomoscow.ru>

⁴⁸ URL: <http://www.FORUM.KurskNet.ru> 149

глубже. Если до 90-х гг. XX в. Москва, будучи многонациональным городом, ассимилировала людей, приехавших в нее, то в настоящее время наблюдается определенное отторжение, неприятие новичков, которым, впрочем, по большому счету, до этого неприятия нет никакого дела.

Литература

- Агаян 1995 — *Агаян Ц.* Россия в судьбах армян и Армении. М., 1995.
- Байбурин 1995 — *Байбурин А. К.* К проблеме стереотипизации поведения: быт, событие, ритуал // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 1—3.
- Беленкина — *Беленкина Л. Б.* Воспоминания. 1923—1988. Рукопись. Архив Б. Беленкина.
- Белова 1999 — *Белова О. В.* Инородец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 414—418.
- Бобылёв 1995 — *Бобылёв А. В.* Церковь святых Петра и Павла в Москве // Наша Церковь. 1995. № 1/2. С. 49—52.
- Громан 1997 — *Громан М.* Черта оседлости в черте Москвы / Вести, 31 июля 1997 // URL: <http://www.languages-study.com/berlin/moscow-shtell.htm>
- Добровольская 2005 — *Добровольская В. Е.* Пищевые нормативы как форма этнической идентификации: на материалах русской и еврейской культурной традиции. М., 2005. С. 144—157.
- Долбакян 1998 — *Долбакян Э.* Москва — город судьбы армянской // Дружба народов. 1998. № 1. С. 150—158.
- Князьков 1990 — *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. Пушкино, 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1914 г.)
- Кокорев 1849 — *Кокорев И. Т.* Ярославцы в Москве // Москвитянин. 1849. № 2. Смесь. С. 46—54.
- КП 5/2008 — Комсомольская правда 5 февраля 2008 // URL: <http://www.kp.ru/daily/24043/99754/>
- Крымский 1896 — *Крымский А.* Лазаревский институт // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 17. С. 247—248.
- Лиценбергер 1999 — *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. М., 1999.
- Материалы 1869 — Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Т. 1. СПб., 1869.
- Мочалова 2012 — *Мочалова В.* Нельзя прекращать сбивать масло // URL: <http://www.booknik.ru/context/all/mochalova/>
- Немцы 2004 — Немцы в России. СПб., 2004.
- Осетров 1987 — *Осетров Е. И.* «Мое открытие Москвы». М., 1987.
- Ром-Лебедев 1990 — *Ром-Лебедев И.* От цыганского хора к театру «Ромэн». М., 1990.
- Сиопов, Клемперт 2003 — *Сиопов Ю., Клемперт А.* Евреи в Москве. М., 2003.
- Смирнова-Сеславинская, Цветков 2011 — *Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н.* Антропология социокультурного развития цыганского населения в России. М., 2011.
- Успенский 1914 — *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. 3. М., 1914.
- Уфимцева 2000 — *Уфимцева Н. В.* Слово и культура // Языковое сознание: содержание и функционирование. М., 2000. С. 253—254.
- Харламов — *Харламов Н. П.* Записки бюрократа: Борьба с немецким засильем во время русско-германской войны 1914—1916 гг. // РГБ. Отдел рукописей. Ф. 261. Кор. 20. Д. 6.
- Хин-Гольдовская 1997 — *Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников. 1913—1916 гг. // Минувшее. Исторический альманах. Т. 21. М.; СПб., 1997. С. 375—379.
- Шалина 2005 — *Шалина И. В.* Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2005. № 35. С. 203—216.
- Шкловский 2008 — *Шкловский В. Б.* Сентиментальное путешествие. М., 2008.
- Шлимонов 2006 — *Шлимонов Л.* Иногородцы. Ч. 1 // Звезда. 2006. № 6. С. 129—151.

Сокращения

- ЛАА — личный архив автора.
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. № 2330.
 ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

Summary. This article treats some stereotypes used by native Moscow inhabitants to characterize newcomers or visitors to Moscow, as well as stereotypes used by representatives of these two groups to characterize themselves. The author examines the complex of grounds associated with the perception of the “other one”, treats images of Moscow inhabitants in eyes of newcomers and vice versa, and traces changes in relations between newcomers and natives of Moscow in the last 150—200 years.

Key words: cultural anthropology, social anthropology, stereotypes, his opposition/stranger.